

УТВЕРЖДЕН
решением Комиссии Совета
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по защите профессиональных прав адвокатов
(протокол № 1/24 от 23.01.2024)

ОБЗОР
практики рассмотрения обращений Комиссией по защите
профессиональных прав адвокатов Совета АП Санкт-Петербурга
за 2023 год

Всего за 2023 год в Комиссию Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов поступило 81 обращение, большинство из которых были связаны с недопусками адвокатов к доверителям и посягательствами на адвокатскую тайну. В большинстве рассмотренных случаев Комиссией установлены факты нарушения профессиональных прав адвокатов.

Предлагаемый обзор содержит краткое описание вопросов, по которым Комиссией было вынесено заключение в связи с поступившими обращениями. Анализ практики работы Комиссии показывает, что нарушения профессиональных прав адвокатов Санкт-Петербурга происходит наиболее часто в ситуациях, которые можно отнести к нетипичным.

В настоящем обзоре приведены выводы Комиссии по 14 наиболее интересным обращениям адвокатов. Все примеры распределены, в зависимости от результатов рассмотрения обращений, на три группы – нарушение прав адвоката установлено (полностью или частично), нарушение прав адвоката не установлено, установлена угроза нарушения прав корпорации.

I. Обращения, по которым Комиссией установлены нарушения профессиональных прав адвокатов

1. Произвольное требование у адвоката предъявления паспорта гражданина РФ, попытка опроса и угроза бесосновательного задержания адвоката являются нарушениями его профессиональных прав.

В Комиссию обратилась адвокат К., сообщившая, что она на основании заключенного соглашения прибыла вместе с доверителем в Центр Госзащиты

ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, сотрудники которого заявили, что не допустят адвоката и стали требовать от доверителя пройти с ними, а адвоката – удалиться. Адвокат выполнила требование после соответствующего указания доверителя. Несколько позже доверитель позвонила К. и попросила прибыть к ней с целью оказания юридической помощи. По приезду адвоката допустили, и она поговорила наедине с доверителем.

После этого сотрудниками Центра внезапно была предпринята попытка опроса адвоката, при этом у нее потребовали паспорт гражданина РФ, угрожая в случае отказа задержать на три часа для выяснения личности. Примерно через час, благодаря занятой принципиальной позиции, адвокату разрешили уйти вместе с доверителем.

Комиссия установила, что адвокат прибыла в учреждение не как посетитель, а исполняя профессиональный долг, в связи с чем, обязанности предъявления паспорта у нее не было. Кроме того, предусмотренные Законом «О полиции» основания для задержания, очевидно, отсутствовали, следовательно, при таких условиях требование сотрудника полиции, обращенное к адвокату о предъявлении паспорта гражданина Российской Федерации, попытка проведения опроса и угроза безосновательного задержания являются нарушением профессиональных права адвоката.

Комиссия отмечает, что в данной ситуации, благодаря грамотным и своевременным действиям адвоката по самозащите профессиональных прав, удалось избежать каких-либо серьезных правовых последствий, как для адвоката, так и для его доверителя.

2. Предоставление дознавателю результатов ОРД, содержащих адвокатскую тайну, является нарушением профессиональных прав.

В Комиссию поступило обращение адвоката О. о нарушении его профессиональных прав. В своем обращении О. сообщил о том, ему стало известно о вынесении заместителем начальника Шереметьевской таможни Федеральной таможенной службы Российской Федерации, полковником таможенной службы Т. постановлений о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, а также о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. В указанных постановлениях содержатся сведения о результатах проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, в рамках которых были получены сведения, составляющие адвокатскую тайну.

При оказании З. правовой помощи по уголовному делу, адвокату О. стало известно о наличии в материалах дела справки о результатах оперативно-розыскной деятельности за подписью старшего оперуполномоченного по особо важным делам оперативно-розыскного отдела Шереметьевской таможни, майора таможенной службы У., согласно которой в результате оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» в отношении З. был зафиксирован его телефонный разговор с адвокатом О. (реестровый номер указан в справке), в котором приведено содержание телефонного разговора О. со своим доверителем З., в котором последний просит адвоката выехать для оказания правовой помощи.

Комиссия установила, что согласно справке о результатах оперативно-розыскной деятельности, при её составлении органом, осуществляющему комплекс оперативно-розыскных мероприятий в отношении ряда лиц, в том числе З., было известно о наличии у О. действующего статуса адвоката, что подтверждается указанием в справке на номер О. в реестре адвокатов Санкт-Петербурга.

При этом из содержания переговоров, в отношении которых правоохранительными органами осуществлялись контроль и запись, было очевидно, что З. и О. обсуждают вопросы, связанные непосредственно с фактом обращения к адвокату за юридической помощью, на которые распространяются гарантии, установленные статьей 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре)..

Таким образом, несмотря на то, что оперативно-розыскные мероприятия проводились в отношении З. и иных лиц, а не в отношении адвоката О., при производстве таких оперативно-розыскных мероприятий органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, стали известны сведения, составляющие адвокатскую тайну.

Результаты таких оперативно-розыскных мероприятий не могут представляться органу дознания, следователю или в суд, так как иное противоречило бы установленным как Законом об адвокатуре, так и уголовно-процессуальным законодательством запретам на использование в качестве доказательств обвинения сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Нарушение такого запрета путем представления указанных сведений следователю, дознавателю или в суд не только нарушает профессиональные права адвоката, обязанного хранить профессиональную тайну, но и конституционный запрет на использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Комиссия пришла к выводу, что постановление о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, которым в отдел дознания Шереметьевской таможни представлена справка о результатах оперативно-розыскной деятельности, не было основано на уголовно-процессуальном законе и не обеспечивало реализации гарантий, предусмотренных статьей 50 Конституции РФ, нарушает профессиональные права адвоката, так как фактически ведёт к использованию в доказывании по уголовному делу сведений, составляющих адвокатскую тайну.

3. Фактический допуск адвоката в помещение для свидания с задержанным, при отказе в предоставлении самого свидания, является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию обратился адвокат Ч., который сообщил, что заключив соглашение с родственниками К., привлеченной к административной ответственности и установив местонахождение последней, прибыл в Спецприемник ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Спецприемник) для оказания юридической помощи. Адвокат, представив ордер и удостоверение, был допущен в помещение для свиданий. Прождав около двух часов, с подзащитной он встретиться не смог по причине озвученного ему сотрудником Спецприемника отказа К. от юридической помощи в период содержания в данном учреждении. Удостовериться в добровольности отказа подзащитной адвокату возможности не предоставили.

Комиссия полагает, что обстоятельства отказа от защитника, описанные Ч., исключающие возможность адвоката удостовериться в свободе волеизъявления подзащитной, не демонстрируют добровольность такого отказа. Ограничение же доступа к подзащитной исключило возможность получения ею квалифицированной юридической помощи, что явилось как нарушением как ее права на защиту, так и воспрепятствовало реализации профессиональных прав адвоката.

Комиссией ранее неоднократно высказывалась позиция о том, что допуск защитника к своему подзащитному не является тождественным обеспечению возможности прохода адвоката через КПП учреждения или даже в следственный кабинет. Такой допуск может считаться состоявшимся в момент реальной встречи защитника со своим подзащитным. В данном случае встреча не состоялась по причинам, не зависящим от адвоката.

Комиссия пришла к выводу о том, что недопуск Заявителя к подзащитной К., привлеченной к административной ответственности в виде административного ареста, не был основан на законе, не соответствовал положениям статей 48 и 49 Конституции РФ, положениям части 1 статьи 25.1, части 3, 4 статьи 25.5. КоАП РФ, не преследовал никакой законной цели и является нарушением профессиональных прав адвоката как защитника по делу об административном правонарушении.

4. Несвоевременный допуск адвоката к подзащитному является нарушением профессиональных прав. Вместе с тем, отказ доверителя от продолжения общения с адвокатом, не ограничивает профессиональные права последнего.

Адвокат С. сообщила Комиссии, что на основании заключенного соглашения она прибыла в ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области для оказания юридической помощи Р. При себе Заявитель имела удостоверение адвоката и ордер.

В связи с тем, что С. не имела точной информации, находится ли Р. в здании ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ей были совершены звонки дежурному следователю, в службу 112, дежурному Прокурору Санкт-Петербурга, Полномочным представителям Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. Сотрудник КПП пропустил прибывших по вызову к Р. врачей, но отказался пропускать С., ссылаясь на отсутствие разрешения следователя.

Комиссией установлено, что через два часа после прибытия адвоката, Р. была доставлена в здание ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Еще примерно через два часа после доставления Р., по указанию следователя, адвокат С. была допущена, перед допросом провела консультацию свидетеля Р., при этом последняя дала устное согласие на проведение допроса в ночное время.

Комиссия, признавая факт нарушения профессиональных прав в форме фактического отказа в предоставлении свидания (недопуска к доверителю), определила, что время такого недопуска, следует исчислять не с момента прибытия С. в здание Управления, а с более позднего момента, то есть когда доверитель Р. была туда доставлена.

Вместе с тем Комиссия установила, что адвокат С. не была ограничена во времени общения с Р., которая сама отказалась от его продолжения, поскольку условия и порядок реализации права на юридическую помощь

закон связывает с волеизъявлением лица, которому оказывается такая помощь.

После консультации, данной адвокатом доверителю до проведения допроса, Р. не понадобилось какого-либо дополнительного времени для дальнейшего общения с адвокатом, свидетель приняла самостоятельное решение о согласии на проведение своего допроса в ночное время, о чем устно сообщила С. Каких-либо заявлений и замечаний в протокол допроса ни доверителем, ни адвокатом внесено не было.

5. Свидание с подзащитным в условиях, не обеспечивающих конфиденциальность и цензура документов, передаваемых защитнику, являются нарушениями профессиональных прав адвоката.

В обращении в Комиссию адвокат И. указала, что ей в ФКУ ИК-3 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, дважды были предоставлены свидания с её подзащитным.

При этом документы, передаваемые защитнику подзащитным, прочитывались сотрудниками учреждения и, тем самым, подвергались цензуре. Свидания с подзащитным были предоставлены в комнате краткосрочных свиданий: через стекло, с использованием прослушиваемых телефонных аппаратов, при одновременном проведении в том же помещении краткосрочных свиданий с иными лицами. Указанное помещение не было оборудовано письменным столом, чтобы осужденный мог составить документы, отсутствовала возможность оперативно передавать подзащитному документы адвокату, выстраивать линию защиты.

Комиссия пришла к следующим выводам.

В соответствии с подпунктом 5 части 3 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Адвокат вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность, в том числе в период его содержания под стражей, без ограничения числа свиданий и их продолжительности.

Согласно части 3 статьи 82 УИК РФ в исправительных учреждениях действуют Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утверждаемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Следовательно, федеральный законодатель, закрепляя в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», конфиденциальный характер отношений, складывающихся в процессе оказания адвокатом юридической помощи, исходил из недопустимости осуществления цензуры переписки подозреваемых, обвиняемых, осужденных, с избранными ими адвокатами (защитниками) в качестве общего правила.

Целевое назначение регулирования отношений, возникающих по поводу цензуры корреспонденции осужденных, как следует из части 3 статьи 91 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пункта 137 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 №110), предотвращение инициирования, планирования или организации преступления либо вовлечения в его совершение других лиц.

Именно и только в этих целях администрация исправительного учреждения вправе осуществить цензуру переписки осужденного со своим адвокатом (защитником), при условии, что имеются достоверные данные, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В таких случаях осуществляется контроль писем (в том числе в электронном виде), почтовых карточек, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному решению начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 20 июля 2021 года № 38-П «По делу о проверке конституционности части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданина Р.Р. Идиятдинова» указал: «во всяком случае предъявление к адвокату требования о досмотре вещей и одежды вне помещений, непосредственно предназначенных для контрольно-пропускных целей, то есть когда обычное прохождение контроля (досмотра) с использованием технических средств (на входе) уже завершено или (в случае выхода) еще не началось, лежит за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств».

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 29 ноября 2010 года №20-П разъяснил, что администрация следственного изолятора вправе осуществить цензуру переписки

подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своим адвокатом (защитником), при условии, что имеются достаточные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер. В таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

Комиссия установила, что в данном случае имеются нарушения профессиональных прав И., выразившиеся в нарушении общего правила конфиденциального характера отношений, складывающихся в процессе оказания адвокатом юридической помощи; недопустимости осуществления цензуры переписки осужденного, конфиденциальности общения с избранным им адвокатом (защитником); проведении цензуры рабочих документов адвоката без достаточных и разумных оснований о наличии в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц; в отсутствие мотивированного решения начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего об осуществлении цензуры и без письменной фиксации хода и результата соответствующего действия.

6. Удаление защитника из зала судебного заседания является нарушением его профессиональных прав.

В Комиссию поступило обращение адвоката А. о предполагаемом нарушении его профессиональных прав. Адвокат указал, что он выступал в качестве защитника по делу об административном правонарушении при апелляционном обжаловании постановления мирового судьи в Приморском районном суде города Санкт-Петербурга.

После разъяснения прав участников, он представил суду письменное ходатайство о приобщении документов. Судья посчитала, что ходатайство составлено неверно, а когда адвокат стал настаивать на рассмотрении ходатайства – вызвала пристава и удалила А. из зала заседания.

Комиссия установила в данном случае нарушение профессиональных прав адвоката А. ввиду следующего.

Удаление защитника из зала судебного заседания представляет собой не что иное, как вмешательство в реализацию профессиональных прав адвоката. В каждом конкретном случае меры, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем, чтобы обеспечивалась их соразмерность правонарушению, соблюдался баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

В качестве нарушения порядка в зале суд расценил заявление адвокатом ходатайств, которые суд считал преждевременными и неправильно составленными, а также законное требование защитника А. рассмотреть письменные ходатайства. Следовательно, адвокат был удален за попытку реализации своих профессиональных прав.

Между тем, согласно положениям КоАП РФ, защитник вправе заявлять любые письменные ходатайства, а на суд возложена обязанность немедленно рассмотреть заявленное защитником ходатайство и принять по нему соответствующее решение. Если суд принимает решение об отказе в удовлетворении ходатайства, то такое решение выносится в форме определения.

Требование А. о рассмотрении судом его письменного ходатайства, даже настойчиво повторенное, не свидетельствует о нарушении им порядка в ходе судебного заседания и регламента судебного разбирательства.

Адвокатом не были совершены действия, дезорганизовавшие ход судебного заседания, в результате которых мог быть сорван судебный процесс, а потому они не требовали принятия столь интрузивной меры как удаление защитника из зала судебного заседания.

Стиль поведения А. в процессе объясняется выбранной им тактикой защиты, при этом оценка качества подготовки процессуальных документов, а также действий адвоката на предмет возможного нарушения положений КПЭА, не относится к компетенции Комиссии.

Следовательно, удаление А. из зала судебного заседания в рассматриваемой ситуации представляется явно непропорциональным ограничением его профессиональных прав.

Комиссией также был подготовлен проект обращения от имени Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга на имя председателя Санкт-Петербургского городского суда и председателя Приморского районного

суда города Санкт-Петербурга о необходимости соблюдения судьями требований законодательства и профессиональных прав адвокатов.

7. Требование от адвоката, осуществляющего защиту по назначению, представить ордер на защиту по соглашению при подаче кассационной жалобы, является нарушением его профессиональных прав.

В своем обращении адвокат Д. сообщил Комиссии, что Третий кассационный суд дважды возвратил кассационные жалобы защитника с приложенным ордерами по назначению. При этом защитник, полагая, что судебные акты первой и второй инстанций являются незаконными, лишен возможности защитить не только доверителя, но возможно и себя при необходимости обжалования в кассационном порядке постановления об оплате труда адвоката по назначению.

В обоих случаях судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции сослались на то, что подача кассационной жалобы защитником в порядке статьи 51 УПК РФ не предусмотрена.

Комиссия, оценивая данный довод отмечает следующее.

Согласно пункту 2 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

В соответствии с частью 4 статьи 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

С момента вступления в уголовное дело защитник вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда (пункты 9 и 10 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации).

Комиссия учитывает, что данные полномочия защитника в уголовно-процессуальном законе разделены и могут быть реализованы самостоятельно.

В соответствии с частью 1 статьи 401.2 УПК РФ вступившее в законную силу судебное решение может быть обжаловано в порядке, установленном настоящей главой, в суд кассационной инстанции осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями, потерпевшим, частным обвинителем, их законными представителями и представителями, а

также иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

Как разъяснил Конституционный суд РФ в Определении от 15.01.2016 N76-О «право пользоваться помощью адвоката (защитника) как одно из проявлений более общего права на получение квалифицированной юридической помощи подлежит обеспечению на всех стадиях уголовного судопроизводства и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах. При этом юридическая помощь адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве не очерчивается лишь процессуальными и временными рамками его участия в деле при производстве расследования и судебного разбирательства, - она включает возможные предварительные консультации и разъяснения по правовым вопросам, устные и письменные справки по законодательству, составление заявлений, жалоб и других документов правового характера и т.д....».

В Определении от 25 января 2018г. N 236-О Конституционный Суд РФ указал, что «...по смыслу статей 49, 51, 52 и 72 УПК Российской Федерации и в силу правовых позиций, изложенных в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, лицо, допущенное к участию в уголовном деле в качестве защитника, сохраняет свои уголовно-процессуальные права и обязанности на всех стадиях производства по делу, в том числе до тех пор, пока судом не будет принят отказ обвиняемого от данного защитника или суд не примет решение о его отводе (определения от 24 июня 2008 года N 453-О-О, от 28 мая 2009 года N 803-О-О, от 13 октября 2009 года N 1107-О-О, от 25 сентября 2014 года N 1916-О и от 26 апреля 2016 года N 708-О). Согласно же части первой статьи 401.2 УПК Российской Федерации вступившее в законную силу судебное решение может быть обжаловано в суд кассационной инстанции не только осужденным, оправданным, но и их защитниками».

Согласно части 4 статьи 401.4 УПК РФ кассационная жалоба должна быть подписана подавшим её лицом. К жалобе, поданной защитником, прилагается ордер или другой удостоверяющий его полномочия документ.

При этом в УПК РФ прямо не указывается, что к кассационной жалобе должен быть приложен ордер на представление интересов именно в суде кассационной инстанции.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон, учитывая содержание вышеуказанных разъяснений Конституционного Суда РФ, не ограничивает полномочия защитника, участвовавшего в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции (в том числе и в порядке, предусмотренном статьями 50-51 УПК РФ) на подачу кассационной жалобы.

Комиссия отмечает, что данное требование содержалось в УПК РФ и на момент принятия Конституционным Судом Российской Федерации вышеуказанных определений и сохраняет своё действие.

Как установлено Комиссией, адвокат Д. требование уголовно-процессуального закона выполнил, приложив к кассационной жалобе ордер на защиту доверителя в суде кассационной инстанции, формально подтвердив свои полномочия защитника, в том числе на обжалование судебного акта в кассационном порядке.

В тоже время суд кассационной инстанции норму части 4 статьи 401.4 УПК РФ истолковал как требующую от адвоката при подаче кассационной жалобы приложения ордера на защиту в суде кассационной инстанции по соглашению.

Между тем, подобное толкование не основано на законе.

Так, в силу прямого указания Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), часть 2 статьи 13, адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда.

Таким образом, нормы корпоративной этики не просто допускают, но и обязывают защитника вне зависимости от наличия соглашения либо поручения в порядке статей 50-51 УПК РФ обжаловать в апелляционном порядке судебный акт, не отвечающий интересам Доверителя.

Представляется, что исходя из требований пункта 2) части 4 статьи 13 КПЭА (если суд не разделит позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный), защитник должен поступать аналогичным образом и при наличии оснований для кассационного обжалования судебного акта по уголовному делу.

По мнению Комиссии, наличие права на подачу кассационной жалобы защитника не зависит от наличия у него ордера на защиту по соглашению, заключенному на представление интересов в суде кассационной инстанции. Требование такого ордера ограничивает его профессиональные права как самостоятельного участника уголовного судопроизводства.

Исходя из изложенного Комиссия усмотрела нарушение профессиональных прав Д. судьями Третьего кассационного суда общей юрисдикции, выразившееся в отказе в принятии кассационных жалоб Д. в связи с непредставлением ордера, выданных на основании заключенных соглашений на защиту.

8. Необоснованное применение физической силы к адвокату, является нарушением его профессиональных прав.

Адвокат З. обратилась в Комиссию, сообщив, что она участвовала в качестве защитника С. по уголовному делу, которое рассматривалось в зале № 208 Кировского районного суда Санкт-Петербурга.

Во время перерыва, пока из зала судебного заседания выходили многочисленные слушатели, З. разговаривала со своей подзащитной. В это время один из сотрудников конвоя сделал З. замечание, чтобы она не переговаривалась со своей подзащитной, указав, что для таких разговоров есть СИЗО, и попросил ее покинуть зал судебного заседания.

В ответ З. обратила внимание, что суд разрешает адвокату общаться с подзащитной во время перерыва, но конвойный продолжил настаивать, чтобы З. покинула зал. Адвокат согласилась выйти, в это время конвоир начал толкать ее в спину и под локоть, по направлению к выходу.

З. обратила внимание, что конвоир не имеет права толкать адвоката, и попросила того представиться, однако конвоир отказался представляться. В связи с этим Заявитель предупредила конвоира, что она будет вынуждена его сфотографировать, так как он отказывается представляться, а позднее намерена обратиться к руководству с жалобой на его действия. Как только З. достала принадлежащий её телефон, конвоир начал выкручивать З. руку и вырвал телефон. Как только конвоир забрал телефон, он бросил его на стол помощника судьи. З. сразу же подошла к столу помощника судьи и забрала телефон, вышла с ним в коридор. В результате случившегося адвокат получила травму пальцев правой руки и левого плеча.

Комиссия, оценивая доводы З., исходила из следующего.

Согласно положениям частей 1, 8 статьи 18 Закона «О полиции» сотрудник полиции имеет право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных федеральными конституционными законами, Законом «О полиции» и другими федеральными законами.

В силу положений части 1 статьи 20 Закона «О полиции» сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей, в следующих случаях:

- 1) для пресечения преступлений и административных правонарушений;

2) для доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц;

3) для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции.

Во время судебного заседания по данному делу сотрудники конвоя присутствовали в зале суда, соответственно были осведомлены о процессуальном статусе З. как защитника С.

В силу требований пункта 2) части 4 и части 5 статьи 5 Закона «О полиции» в случае обращения гражданина сотрудник полиции называет свои должность, звание, фамилию, внимательно его выслушивает, принимает соответствующие меры в пределах своих полномочий либо разъясняет, в чью компетенцию входит решение поставленного вопроса, а в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, сотрудник полиции разъясняет ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина.

Действующим законодательством вопросы обеспечения установленного порядка деятельности судов к полномочиям сотрудников Полка охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области не отнесены. Данные полномочия в соответствии со статьей 6.5 Федерального закона от 21.07.1997 N 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» находятся в компетенции органов принудительного исполнения.

При таких обстоятельствах предъявление сотрудником конвоя требований о прекращении консультирования подсудимой, действия направленные на удаление З., из зала судебного заседания, а также изъятие у адвоката мобильного телефона, явно выходят за пределы полномочий, предоставленных ему законом. Кроме того, применение физической силы к адвокату З. не было обусловлено какими-либо противоправными действиями (бездействием) защитника.

В результате инцидента адвокат З. была некоторое время нетрудоспособна и не могла осуществлять свою профессиональную деятельность.

Комиссия пришла к выводу о нарушении сотрудником Полка охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области профессиональных прав З., выразившемся в требовании прекратить консультирование подсудимой С. и в незаконном применении к З. физической силы.

Вместе с тем, изъятие у З. мобильного телефона, Комиссия не расценивает как самостоятельное нарушение профессиональных прав адвоката по следующим причинам. В указанной ситуации действия сотрудника конвоя явно носили спонтанный и непоследовательный характер. Телефон был изъят, после чего тут же помещен на стол сотрудника суда, откуда З. смогла беспрепятственно его забрать.

Изъятие телефона полицейским было направлено на пресечение попытки З. его сфотографировать, а не на собирание или уничтожение сведений, составляющих адвокатскую тайну, следовательно, относятся к описанному выше применению физической силы. Информации о повреждении мобильного телефона, либо утрате данных, в результате вышеуказанных манипуляций Комиссии не представлено.

Впоследствии Комиссией был подготовлен проект обращения от имени ФПА в адрес руководителя СК России по для проведения проверки в целях привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за совершенные в отношении З. действия.

II. Обращения, по которым Комиссией не установлено фактов нарушений профессиональных прав адвокатов

1. Отказ следователя в удовлетворении ходатайств защитника, а также использование им тактических приемов при расследовании дела не является нарушением профессиональных прав адвоката.

Адвокат Б. обратился в Комиссию, сообщив, что считает нарушением профессиональных прав, тот факт, что следователь К. устно сообщила ему об удовлетворении трех ходатайств (включая назначение ситуационной экспертизы), а при ознакомлении с делом Б. узнал, что в удовлетворении всех ходатайств ему было отказано.

Комиссия установила, что профессиональные права Б. не нарушены, поскольку он сам неверно ими распорядился и проявил неосмотрительность.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство относит следователя и защитника к противоположным сторонам уголовного производства. В условиях состязательности это обстоятельство неизбежно порождает процессуальное противостояние между ними, включая использование различных тактических приемов для реализации собственной правовой позиции.

В ходе исполнения принятого на себя поручения Б. столкнулся с поведением следователя, сообщившей ему недостоверную информацию, введя в заблуждение относительно содержания принятых процессуальных

решений по заявленным по уголовному делу ходатайствам, что его удовлетворило.

Комиссия полагает, что для Б., как профессионального защитника не могло не быть очевидным, что процессуальные решения по заявленным ходатайствам могут приниматься следователем исключительно в виде постановлений, то есть документов, содержание которых облечено в письменную форму.

Б. никаких действенных мер по получению от органа следствия процессуальных документов, с которыми он в соответствии с законом вправе знакомиться до выполнения требований статьей 217 УПК РФ, он не предпринял.

Учитывая то обстоятельство, что назначение экспертизы сопровождается ознакомлением стороны защиты с соответствующим постановлением, Б. вполне мог предположить, что в удовлетворении ходатайства о производстве ситуационной экспертизы ему было отказано.

Адвокат имел реальную возможность, не довольствуясь устными уверениями следователя, потребовать и получить соответствующие процессуальные решения с целью определения тактики дальнейшего осуществления защиты обвиняемой. При проявлении защитником должной заботливости и осмотрительности, он мог надлежащим образом и своевременно ознакомиться с существом процессуальных решений, чтобы убедиться в соответствии их законным интересам доверителя.

Кроме того Б. не представлено конкретных доводов, а Комиссией не установлено соответствующих фактов, подтверждающих, что действия следователя повлекли какие-либо последствия в виде невозможности для адвоката исполнить свои профессиональные обязанности, либо создали иные препятствия в осуществлении им адвокатской деятельности.

2. Вызов в суд свидетеля по уголовному делу, получившего статус адвоката, не является нарушением профессиональных прав.

В Комиссию поступило обращение адвоката Г. о предполагаемом нарушении ее профессиональных прав в связи с «принуждением» ее со стороны адвокатов А. и Б. к явке в районный суд и даче показаний в качестве свидетеля по уголовному делу.

По сообщению Г., ее «разыскивают» коллеги А. и Б., используя некорректные методы, противоречащие профессиональной этике адвоката. Вышеуказанные обстоятельства расценивает, как попытку заставить ее дать показания о фактах, которые стали ей известны в период предыдущей работы, а также как попытку преследования и запугивания. Заявитель

полагает, что подобные действия в отношении нее могут являться нарушением профессиональных прав адвоката, в связи с чем, просит защитить ее профессиональные права.

Комиссия установила, что сведения, о которых суд намерен допросить Г. в качестве свидетеля, не связаны с ее профессиональной деятельностью, а относятся к обстоятельствам, хронологически более ранним, чем получение Г. статуса адвоката. Более того, Г. до получения статуса адвоката, давала показания в качестве свидетеля по вышеуказанному уголовному делу на этапе предварительного следствия.

Факт получения свидетелем по уголовному делу статуса адвоката не влечет за собой изменение его процессуального положения. Соответственно, режим адвокатской тайны и корреспондирующий ему процессуальный иммунитет по отношению к Заявителю, как к адвокату, в рассматриваемом случае не только не применимы, но даже сама гипотеза о возможности их использования исключается.

Какие-либо запреты и ограничения на информирование свидетеля по уголовному делу стороной защиты о дате, времени и месте проведения судебного заседания с его участием не установлены. Комиссия также отметила, что адвокатами А. и Б. были предприняты лишь меры к извещению свидетеля Г., а не к принуждению дачи каких-либо определенных показаний.

3. Судебный спор между адвокатом и доверителем, а также запрос суда об истребовании оригинала соглашения, не нарушают профессиональные права адвоката, а также права адвокатского образования и интересы сообщества.

Адвокат В. обратился в Комиссию, сообщил, что осуществлял защиту по соглашению в другом регионе с условием выплаты вознаграждения в рассрочку. Впоследствии В. обратился в суд с иском к доверителю, полагая, что тот не выплатил гонорар полностью. Доверителем (ответчиком) подано встречное исковое заявление о признании соглашения недействительной сделкой.

Поскольку В. проживает в г. Санкт-Петербурге, и участие в судебных заседаниях в суде другого региона для него «затруднительно», он ходатайствовал о проведении судебного заседания посредством ВКС. Однако в удовлетворении ходатайств ему было отказано судом в связи с отсутствием технической возможности. Позднее суд направил в коллегия адвокатов запрос о предоставлении оригинала соглашения между В. и доверителем, в

связи с чем В. полагает, что под сомнение ставится также добросовестность коллегии.

Комиссия не согласилась с доводами В. о нарушении его прав по следующим причинам.

Участвуя в гражданском деле, В. выступает в процессуальном статусе истца, то есть не занимается профессиональной деятельностью. Имевший место фактический отказ суда в предоставлении участия истцу в заседании посредством ВКС не носит дискриминационного характера, не связан с наличием у В. статуса адвоката. С учетом изложенного Комиссия приходит к выводу, что признаки нарушения профессиональных прав адвоката В. отсутствуют.

Довод В. о том, что истребование судом оригинала соглашения из коллегии адвокатов, ставит под сомнение добросовестность этой коллегии, то есть может потенциально представлять собой нарушение интересов адвокатского сообщества в форме умаления его авторитета, также отвергнут Комиссией, по следующим причинам.

Осуществление адвокатами публично-правовых функций и особый статус отношений адвоката с доверителем, характеризующийся, среди прочего, повышенным уровнем доверия, предполагает необходимость охраны репутации адвокатского сообщества и недопустимость безосновательного подрыва доверия граждан к нему. Сказанное в полной мере относится к обязанности адвокатов и адвокатских образований хранить сведения, составляющие адвокатскую тайну, не допуская доступ к ним любых лиц, включая представителей органов публичной власти.

Право суда на истребование доказательств и корреспондирующая ему обязанность юридических лиц и граждан по представлению доказательств закреплены в статье 57 ГПК РФ, статье 6 ФКЗ РФ «О судебной системе Российской Федерации». Уклонение от этой обязанности влечет установленную законом ответственность.

По общему правилу, произвольное истребование у адвокатов и адвокатских образований сведений, составляющих адвокатскую тайну, недопустимо. В то же время, требование суда к коллегии адвокатов о представлении оригинала соглашения, не посягает на профессиональную тайну В. поскольку раскрытие этих сведений недвусмысленно санкционировано бывшим доверителем адвоката, посредством обращения в суд с иском о признании соглашения недействительной сделкой. Вышеуказанный запрос был сделан судом после принятия встречного искового заявления бывшего доверителя, каких-либо признаков нарушений

процессуального закона при направлении запроса, как и выхода за пределы судебной дискреции, Комиссией не установлено.

4. Возбуждение исполнительного производства в отношении коллегии адвокатов не является само по себе нарушением профессиональных прав адвоката, а также не нарушает интересы адвокатского сообщества.

Адвокат П., действующий как руководитель коллегии адвокатов «П.», сообщил Комиссии, что по иску его бывшего доверителя ООО «Н.» арбитражным судом в упрощенном производстве было вынесено решение о взыскании неосновательного обогащения с коллегии адвокатов «П.», по тому основанию, что адвокат П., заключивший соглашение с ООО «Н.» свои обязательства по нему не исполнил. Адвокат полагает, что решением арбитражного суда нарушены права «всей коллегии» адвокатов «П.» и её членов.

Как следует из данных Комиссии объяснений П., он исполнил обязательства по соглашению с ООО «Н.» в полном объеме, в связи с чем, считает, что решение суда является незаконным, а исполнительное производство ограничивает права других адвокатов коллегии, которые занимаются работой по назначению и не могут получить причитающийся им гонорар. О возникшем судебном споре ни он сам, ни коллегия извещены судом не были.

Решение вопроса о нарушении прав адвокатов судебным решением Комиссией отложено до рассмотрения вопроса в апелляционном порядке, в связи с чем, были рассмотрены вопросы вероятного нарушения прав исполнительным производством.

Ранее Комиссией неоднократно отмечалось, что сам по себе гражданско-правовой спор, возникший между адвокатом и доверителем (бывшим доверителем) представляет собой одну из форм реализации конституционного права на судебную защиту и не может сам по себе считаться нарушением профессиональных прав адвоката. Сказанное очевидно относится и к участию адвоката в исполнительном производстве, возбужденном в результате вынесения судебного акта.

Комиссия при этом отмечает, что сам П. не является в возникшем исполнительном производстве стороной, каких-либо требований к нему лично не предъявлено. Не установлено и каких-либо признаков злоупотребления со стороны взыскателя при получении исполнительного листа и предъявлении его к исполнению.

Заявителем не представлено конкретных доводов о наличии препятствий для осуществления П.. адвокатской деятельности, вследствие возбужденного исполнительного производства, а все доводы, связанные с неправильным, по его мнению, решением суда, должны быть предметом рассмотрения апелляционной инстанции.

По результатам рассмотрения обращения Комиссия пришла к выводу об отсутствии факта нарушения профессиональных прав адвоката П. исполнительным производством, возбужденным в отношении должника – коллегии адвокатов «П.».

Оценивая возможность нарушения профессиональных прав коллегии адвокатов «П.» как юридического лица, а также взаимосвязанного с этим нарушения интересов адвокатского сообщества Комиссия пришла к следующим выводам.

Коллегия адвокатов выполняет исключительно функции налогового агента адвоката по доходам, полученным адвокатами в связи с осуществлением адвокатской деятельности, а также их представителем по расчетам с доверителем. В силу закона коллегия не осуществляет адвокатской деятельности, не может являться носителем профессиональных прав адвоката, что исключает даже саму гипотезу нарушения этих прав в отношении данного вида адвокатского образования.

В связи с тем, что вышеуказанное исполнительное производство не создает угрозы возникновения массовых нарушений профессиональных прав адвокатов, не угрожает принципам законности, независимости, самоуправления, корпоративности, равноправия адвокатов, не умаляет авторитет адвокатуры как института гражданского общества, Комиссия приходит к выводу о том, что исполнительным производством не нарушаются интересы адвокатского сообщества.

Оценивая вопрос о нарушении прав других адвокатов – членов коллегии адвокатов «П.», Комиссия исходила из следующего.

Адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося ему за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов (часть 1 статьи 16 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Положения части 3 статьи 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ допускают возможность обращения взыскания на все средства, находящиеся на банковском счёте коллегии, без учёта наличия прав требования адвокатов к самой коллегии по выплате гонораров. Кроме того, положения статьи 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 №

229-ФЗ предусматривают возможность наложения ареста на денежные средства, находящиеся на банковском счёте коллегии. Данные нормы потенциально могут создать реальную угрозу нарушения интересов адвокатов, являющихся членами коллегии, состоящую в затруднительности реализации их профессионального права на получение вознаграждения (гонорара).

Вместе с тем, факт нарушения профессиональных прав адвоката не может быть установлен исключительно на предположениях. Напротив, для признания факта нарушения таких прав необходимо применительно к сложившейся ситуации выявить конкретные обстоятельства, в силу которых определенный адвокат ограничен в возможности реализовывать свои профессиональные права.

Между тем, в данном случае руководителем коллегии констатирована лишь гипотетическая возможность ограничения адвокатов – членов коллегии на получение гонорара в результате возбуждения исполнительного производства в отношении коллегии адвокатов «П.». При этом П. не представлено конкретных доводов, а Комиссией не установлено соответствующих фактов, подтверждающих, что в результате применения мер принудительного исполнения, другие адвокаты – члены коллегии были фактически лишены или ограничены в праве на получение вознаграждения.

П. не представлено Комиссии сведений не только о реальном поступлении денежных средств на счета коллегии по исполнению адвокатами поручений в порядке назначения в юридически значимый период, но также и сведений об объеме таких поручений и какой-либо минимальной информации о самих адвокатах – членах коллегии, включая даже их фамилии, имена и отчества.

При таких обстоятельствах Комиссия пришла также к выводу об отсутствии фактов нарушения профессиональных прав других адвокатов коллегии адвокатов «П.» на получение вознаграждения, в связи с отсутствием доказательств таких нарушений.

III. Обращения, по которым Комиссией установлено нарушение интересов адвокатского сообщества

1. Указание в газетной публикации на противоправные действия «адвокатских фирм» не нарушает профессиональных прав конкретного адвоката, но посягает на авторитет адвокатуры.

В Комиссию обратилась адвокат Г., которая сообщила, что в газете «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге» (выпуск №9-н (27358-н) 2022

год), опубликована статья А. Посляновой «Юристы обирают петербургских пенсионеров, попавших в руки мошенников», содержание которой, по мнению Заявителя, включает «факты открытой клеветы в отношении адвокатов Санкт-Петербурга, подрывает доверие граждан к деятельности адвокатов, формирует негативное общественное мнение среди населения к адвокатским образованиям города, в целом к адвокатуре Петербурга».

Указанные обстоятельства, по мнению Г., выражаются в содержащемся в статье «заявлении, адресованном в адрес адвокатских образований Санкт-Петербурга», о том, что «адвокатские компании Петербурга ... промышленяют таким видом заработка ... разводят на деньги стариков, попавших в беду ... прямо в стенах юридических фирм», а автором статьи дана оценка деятельности адвокатских образований Санкт-Петербурга, характеризуемая Г. как «подлость в кубе».

На заседании Комиссии Г. дала пояснения, что письменный ответ на два ее обращения в редакцию газеты «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге» не поступил, полагает, что причинен «репутационный вред целой адвокатуре».

Адвокат Г. просила газету в претензиях «опровергнуть сведения, распространенные в средствах массовой информации... о том, что адвокаты Санкт-Петербурга под видом оказания юридических услуг занимаются мошенничеством». «В качестве возмещения убытков и возмещения компенсации репутационного вреда, причиненного адвокатам Санкт-Петербурга... опубликовать серию статей в газете «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге» на тему совершенствования рынка профессиональной юридической помощи в Санкт-Петербурге, социальной рекламы деятельности адвокатских образований в Санкт-Петербурге».

Комиссия пришла к выводу, что сам по себе факт распространения вышеуказанных сведений в газете «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге», установлен, но при этом не находит оснований для признания этого обстоятельства нарушением профессиональных прав адвоката Г.

Адвокатом не представлено конкретных доводов, а Комиссией не установлено соответствующих фактов, подтверждающих, что сама публикация, прочие действия корреспондента или редакции повлекли какие-либо последствия в виде невозможности для Г. исполнять свои профессиональные обязанности адвоката, либо создали иные препятствия в осуществлении адвокатской деятельности.

Кроме того, публикация не содержит каких-либо сведений о том, что в ней приведены утверждения о фактах, свидетельствующих о совершении непосредственно адвокатом Г. каких-либо нарушений закона или этики,

равно как и совершения нечестных поступков, соответствие действительности которых можно было бы проверить.

Вместе с тем, Комиссия пришла к выводу о нарушении интересов адвокатского сообщества Санкт-Петербурга в форме умаления его авторитета по следующим основаниям.

Адвокатура действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов (пункт 2 статьи 3 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры.

Затрагивающими интересы адвокатского сообщества признаются любые действия (бездействие) и решения должностных и иных лиц, которые повлекли или с высокой степенью вероятности могут повлечь массовые нарушения профессиональных прав адвокатов, либо если они угрожают принципам законности, независимости, самоуправления, корпоративности, равноправия адвокатов либо умаляют авторитет адвокатуры как института гражданского общества, вне зависимости от того, составляют ли они сами по себе нарушение профессиональных прав конкретного адвоката.

Осуществление соответствующих публичных функций адвокатом и особый статус отношений адвоката с доверителем, характеризующийся, среди прочего, повышенным уровнем доверия, предполагает необходимость охраны репутации адвокатского сообщества и недопустимость безосновательного подрыва доверия граждан к нему.

В спорной публикации упоминаются некие «адвокатские компании Петербурга», которые, по мнению автора, «разводят на деньги стариков, попавших в беду ... прямо в стенах юридических фирм».

Оценивая это утверждение, Комиссия отмечает, что автором употребляется термин «адвокатские компании», отсутствующий в действующем законодательстве, поскольку формами адвокатских образований являются: адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация.

Несмотря на это, используемое в статье прилагательное «адвокатские» является производным от слова «адвокат», оно недвусмысленно означает принадлежность чего-либо или кого-либо именно к адвокатуре. Упоминание адвокатского сообщества в статье, посвященной недобросовестным

действиям конкретных лиц, заведомо не имеющих отношения к адвокатуре, создает впечатление тенденциозности и беспочвенно подрывает доверие читателей к адвокатам и адвокатской деятельности.

В результате некорректного употребления корреспондентом термина «адвокатские», у неограниченного круга лиц формируется ложное представление о совершении неправомерных действий адвокатами Санкт-Петербурга. Подобное высказывание подвергает сомнению соблюдение адвокатами Санкт-Петербурга при осуществлении адвокатской деятельности правил поведения, основанных на нравственных критериях и традициях адвокатуры.

Следовательно, спорная публикация нарушает интересы адвокатского сообщества, поскольку содержащиеся в ней высказывания направлены на умаление авторитета адвокатуры как института гражданского общества.

С учетом изложенного, Комиссия приняты меры для недопущения нарушения интересов сообщества в будущем – была инициирована подготовка и направление в Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга проекта обращения, который был позднее направлен в редакцию газеты.

В ответном письме редакция газеты сообщила, что необходимые изменения в спорную публикацию внесены.

2. Попытка неизвестных лиц получить денежные средства от имени адвоката не являются нарушением профессиональных прав последнего, но могут подрывать доверие к адвокатскому сообществу.

В Комиссию поступило обращение адвоката Ж. о предполагаемом нарушении ее профессиональных прав. В обращении Ж. сообщает о факте совершения «преступных действий» со стороны неизвестного ей лица, в отношении гражданина З., якобы, от ее имени. Указывает, что «мошенниками» с данным гражданином велась переписка, где были отражены ее данные: ФИО, регистрационный номер в реестре Адвокатской палаты СПб и номер удостоверения. При этом указывалось иное место работы – юридическая компания «М.», а переписка велась с номера телефона, который никогда не находился в ее пользовании.

Ж. обращает внимание на то, что ею никогда не заключалось соглашений на оказание юридической помощи ни с указанным гражданином З., ни с юридической компанией «М.», согласия на использование своих персональных данных в качестве адвоката и ведение какой-либо переписки от своего имени она никому не давала.

Ж. также направлено заявление об организации соответствующей проверки в ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и привлечению виновных лиц к уголовной ответственности.

Комиссия при рассмотрении обращения пришла к следующим выводам.

Использование персональных данных адвоката без его ведома, тем более, с корыстной целью, может рассматриваться как элемент обмана или введения в заблуждение. В подобных случаях данные действия могут причинить вред охраняемым законом интересам адвоката.

Вместе, с тем, Комиссия не может подменять собой официальные органы, уполномоченные осуществлять уголовное преследование и устанавливать обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ.

Не все случаи нарушения закона, допущенные какими-либо лицами, являются одновременно нарушениями профессиональных прав адвокатов, даже если при таких нарушениях личность адвоката каким-либо образом упоминается. Это в полной мере относится также к случаям попыток осуществления неправомерных действий, направленных на завладение чужими денежными средствами под видом получения гонорара за оказание юридической помощи.

В обращении Ж. не сообщила о том, создал ли данный случай какие-либо препятствия в осуществлении ее профессиональной деятельности. Не усмотрела подобных препятствий и Комиссия.

Вместе с тем, Комиссия отмечает, что исходящее от неизвестного лица, представившегося адвокатом Ж., требование произвести платеж без заключения соглашения об оказании юридической помощи с использованием ее персональных данных, подрывает доверие к институту адвокатуры, отражается на репутации адвокатской корпорации в целом, создает угрозу нарушения прав и законных интересов лиц, обращающихся за юридической помощью, в связи с чем Комиссия полагает необходимым проинформировать об этом Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга для размещения соответствующей информации на сайте Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.